

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

БОРЬБА НАРОДОВ РУСИ И ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ С АГРЕССИЕЙ НЕМЕЦКИХ, ШВЕДСКИХ И ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ в XIII—XV веках *

В. Т. Пашуто

Нападение Швеции на Русь. Невская битва

В конце 30-х годов XIII столетия положение в Северо-Западной Руси было тревожное. Русскую землю опустошали монголо-татары, а к северо-западным границам Новгородско-Псковской земли стягивались силы немецких, шведских и датских крестоносцев. В то же время Литовское княжество пыталось захватить уцелевшие от татаро-монгольского разорения земли Полоцко-Минской Руси и Смоленска. В этот трудный момент новгородский князь Александр и его отец Ярослав Всеволодович, ставший после гибели князя Юрия на реке Сити владими́ро-суздальским князем (1238—1246 гг.), приняли ряд срочных мер к укреплению западных границ Руси. Прежде всего нужно было освободить Смоленск, где обосновался литовский князь. В 1239 г. он был изгнан русскими войсками, и смоленский княжеский стол занял суздальский ставленник. Тогда же по распоряжению князя Александра новгородцы соорудили укрепления на реке Шелони, вдоль которой проходил путь в Новгород с запада. Наконец, был взят под защиту и Полоцк. Союз Владимиро-Суздальской земли с Полоцком нашел свое выражение в браке князя Александра Ярославича с дочерью полоцкого князя. Политическое значение этого брака было подчеркнуто тем, что он был отпразднован в Торопце — опорном пункте обороны на границе с Литвой. Все эти военные и дипломатические меры принесли свои результаты: в течение ближайших лет войска Литовского княжества не нарушали русских границ.

Иначе сложились дела на северо-западной границе. Немецкие крестоносцы готовились к крупному вторжению на Русскую землю. Опасность этого вторжения особенно усугублялась тем, что на сей раз в походе участвовала и Швеция, чье войско первым двинулось в наступление на Русь. Шведское королевское правительство решило направить экспедицию не столько против еми, сколько против Новгородской Руси. Целью похода был захват течения Невы и берегов Ладоги, а в случае полной удачи — Новгорода и всей Новгородской земли. Завладев Невой и Ладогой, можно было достичь сразу двух целей: во-первых, финские земли отрезались от Руси, а лишённые русской поддержки, они легко могли стать добычей завоевателей; во-вторых, в руках Швеции оказывался единственный тогда для Новгорода (и для всей Руси) выход к Балтийскому морю. В результате вся внешняя торговля Руси на северо-западе попала бы под шведский контроль.

Нет сомнений в том, что выступление шведских феодалов было согласовано с действиями ливонских рыцарей, которые в 1240 г. предприняли наступление на Изборск и Псков, причем вопреки их традиции не зимой, а летом.

Для похода на Русь шведское правительство короля Эриха Эриксона (1234—1250 гг.) выделило значительное войско под предводительством ярла (князя) Ульфа Фаси и, согласно русской внелетописной традиции, зятя короля — Биргера, позднее ставшего ярлом, а также епископов. Присутствие последних подтверждает, что грабительский

* О к о н ч а н и е. Начало см. «Вопросы истории», 1969, № 6.

замысел похода прикрывался разговорами о необходимости распространить среди русских «истинное христианство» — католичество. К походу были привлечены вспомогательные финские отряды, комплектовавшиеся скорее всего из среды старейшин повоеванных земель еми и суми. Несколько неожиданно упоминание в составе войска «мурманов», то есть норвежцев, поскольку политическое положение Норвегии и ее отношения со Швецией исключали государственное участие в походе, да и отношения этой страны с Русью не вызвали необходимости такой акции. Видимо, Швеция использовала отдельных норвежских рыцарей, что стало возможным, поскольку в 1237 г. норвежский король Хакон IV обязался участвовать в антиарабском крестовом походе, а взамен папа разрешил ему воевать против северных язычников¹.

Князь Александр Ярославич еще в 1239 г. позаботился об обороне не только западных, но и северных границ Руси, установив тщательную охрану побережья Финского залива и Невы. Здесь были низменные и сырые лесистые земли, труднопроходимые места, и пути шли только вдоль рек. К югу от Невы, между Водьской (с запада) и Лопской (с востока) новгородскими волостями, находилась Ижорская земля. В этих местах жил небольшой народ ижорян. Его социальная верхушка уже владела землей и приняла христианство, тогда как масса населения оставалась языческой. В частности, «старейшина в земле Ижерьстей», по имени Пелгуй, крестился, приняв имя Филиппа. В Ижорской земле имелся специальный тиун (судья-наместник), поставленный Новгородом. Старейшине Пелгую князь Александр поручил «стражу морскую», то есть охрану путей к Новгороду с моря; видимо, охрана стояла по обоим берегам залива.

Важнейшим источником наших сведений о приходе шведских войск и их разгроме является «Житие Александра Невского», составленное, вероятно, в 80-х годах XIII в. в Рождественском монастыре города Владимира при благосклонном содействии сына великого князя Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла (1250—1280 гг.). Автор «Жития» называет себя «домочадцем» и «самовидцем возраста», то есть свидетелем жизни Александра Ярославича. Он был близок к князю и слышал от него, его дружинников и других современников о подвигах русских воинов: «Си вся слышахом от господина своего Олександра и от инех, иже в то время обретошася в той сечи»². Возможно, автор происходил из церковно-дружинной среды. Вот что узнаём мы из его рассказа.

Однажды на рассвете июльского дня 1240 г., когда Пелгуй был в дозоре на берегу Финского залива, он вдруг увидел шведские корабли. Шведский король «сбѣра силу велию и наполни корабли многы полков своих, подвижесе в силе тяжие, пыхая духом ратным». Шведская флотилия прошла по Неве до устья Ижоры. Здесь было решено сделать временную остановку; очевидно, некоторые суда вошли в устье Ижоры, а большая часть их причалила к берегу Невы, вдоль которого предстояло плыть. «Уведав силу ратных», Пелгуй спешно направился в Новгород и сообщил князю о высадке шведов, о том, где «станы и обретья их».

С причаливших судов были переброшены мостки, на берег сошла шведская знать, в том числе Биргер и Ульф Фаси в сопровождении епископов; за ними высадились рыцари. Слуги Биргера раскинули для него большой, шитый золотом шатер. Биргер не сомневался в успехе. В самом деле, положение Новгорода было тяжелое: помощи ждать было неоткуда, монголо-татарские захватчики разорили Северо-Восточную Русь. Шведский полководец, «шатайся [кичась] безумием», отправил послов в Новгород, веля передать князю: «Аще можеша противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою». Видимо, он не ждал сопротивления, считая, что без суздальских полков Новгород ему не страшен. Однако Биргер просчитался.

Александр Ярославич собрал на Софийской площади в Новгороде свою дружину и «нача крепити» ее речью, говоря, что «не в силе бог, но в правде». Князь принял решение без промедления выступить на врага. Кроме дружины, он успел взять в поход лишь часть ополчения новгородцев-горожан: «Мнози новгородци не совокупилися бяху,

¹ И. П. Шаскольский. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. 8. 1951. № 3, стр. 267—276.

² Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.-Л. 1965, стр. 58—63, 187—194. Здесь и ниже цитирую «Житие», следуя реконструкции текста, выполненной Ю. К. Бегуновым.

попнее ускоре князь пойти». Не оказалось времени даже на то, чтобы известить отца и попросить его помощи и совета: «ни оному бысть когда послати весть к отцю». Войско выступило из Новгорода и двинулось к Ижоре; шли вдоль Волхова до Ладоги, где присоединился отряд ладожан³. Вполне вероятно, что и ижоряне участвовали в походе. К утру 15 июля все войско подошло к Ижоре. То, что Александр Ярославич ускорил выступление войск, объясняется, конечно, желанием нанести удар по шведскому лагерю неожиданно и именно на Ижоре и Неве. Из описания подвигов русских воинов складывается некоторое общее представление о ходе битвы. Нужен был внезапный удар потому, что шведское войско превосходило по численности русское; князь же имел небольшую дружину: «...Пойде на ны в мале дружине, не създався съ многою силою своею».

Александр исходил из того, что большинство неприятельских судов стояло у высокого и крутого берега Невы, значительная часть войска находилась на судах (остановка была временной), а рыцарская, наиболее боеспособная часть войска была на берегу. Конная дружина князя Александра, вероятно, должна была ударить вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно «пешь» новгородец по имени Миша со своей дружиной должен был наступать вдоль Невы и, тесня врагов, уничтожать мостки, соединявшие корабли с суши, отрезая рыцарям, опрокинутым неожиданным ударом конницы, путь к отступлению и лишая их возможности получить помощь. В случае успеха этого плана численное соотношение войск на суше могло серьезно измениться в пользу русских: двойным ударом — вдоль Невы и Ижоры — важнейшая часть вражеского войска оказывалась зажатой в угол, образуемый реками. В ходе боя пешая и конная русские рати, соединившись, должны были оттеснить врага к реке и сбросить его в воду.

Русские войска внезапно обрушились на шведский лагерь. Автор «Жития» сообщил о наиболее выдающихся подвигах русских людей. Так, он говорит о важном эпизоде боя, когда князь Александр, пробившись в центр расположения шведских войск, сразился со шведским полководцем (который именуется королем) и тяжело ранил его копьем: «...Взложи [ему] печать на лице острыми своим копием». Летописец сообщает, что молодой дружинник Савва, «наехав на шатер великий, златоверхий и посече столп шатерный...». Падение шатра воодушевило русских воинов: русские полки, «видевше падение шатерное, возрадовашася». Успешно действовало и новгородское пешее ополчение, которое, продвигаясь вдоль берега Невы, видимо, не только рубило мостки, отбиваясь от шведов с суши и реки, но даже захватило и уничтожило три шнеки: «Натече на корабли и погуби три корабли». Талантливый полководец Александр Ярославич сумел уверенно направить русские силы на врага. Дружинник Гаврила Олексич, преследуя бежавших шведского епископа и королевича, которые «втекоша пред ним в корабль», ворвался на коне вслед за ними по сходящим: «Бозеха по доске, по ней же въсхожаху, и до самого корабля». Произошел беспрецедентный бой. Шведам удалось сбросить Гаврилу Олексича в воду («свергоша его з доски с конем в Неву»), но он сумел быстро выбраться на берег и опять «наеха, и бися с самим воеводою посреде полку их». Летопись сообщает, что шведский воевода был убит. Ходили слухи, что погиб и епископ. Бой шел жестокий: «И ту бысть велика сеча своем».

Автор отметил подвиги еще нескольких воинов: новгородца Сбыслава Якуновича, который «наиха многожды на полк их и бьшется единым топором, не имея страха в сердце своем. И паде неколико от руки его», и другие воины «подвишася силе его и храбръству»; княжеского ловчего (охотника), полоцкого уроженца Якова, который «наехав на [шведский] полк с мечем, и мужьствова, и похвали его князь»; княжеского слуги Ратмира, который «бися пешь, и обступиша его мнози [шведы]» и после яростного боя «от многих ран пад, скончася». Мужественные русские люди героически сражались на рубежах родины, отстаивая от врага Северо-Западную Русь, уцелевшую от монголо-татарских полчищ, в то время как на большей части Русской земли дымились развалины городов, сел и слобод. Бой, проведенный в стремительном темпе, принес блестящую победу русскому войску. Бесславно, в панике бежали шведские захватчики («посрамлени отъидоша»), «и множество много их паде». Русские войска, собрав трупы наиболее знатных рыцарей, «накладше корабля два», и «пустиша и[x] к морю...»; про-

³ «Новгородская первая летопись» (далее — НПЛ). М.-Л. 1950, стр. 77.

чих же, что навеки остались на русском берегу, «ископавше яму, вметаша в ню бещисла»⁴.

Руководство талантливое и храброго полководца Александра Ярославича в союзнении с изумительным героизмом и самоотверженностью простых воинов обеспечило русскому войску быструю победу при малых потерях. Новгородцев и ладожан пало всего около 20 человек. За победу при Неве народ прозвал князя Александра Ярославича «Невским». Достоинство упоминания, что от одного из соратников Александра Невского вели свой род Пушкины. А. С. Пушкин, сам крупный историк⁵, писал в «Моей родословной»: «Мой предок Рача [в родословцах Ратша] мышцей бранной Святому Невскому служил»⁶.

Борьба за устье Невы была борьбой Руси за сохранение древнего свободного выхода к Балтийскому морю, столь важного для дальнейшего развития русского народа⁷. Эта борьба в форме решительных военных столкновений началась именно в XIII в., когда вторжение крестоносцев создало то, что позднее принято было называть «балтийским вопросом». Невская битва явилась важным этапом на этом пути. Победа русского войска под водительством славного полководца Александра Невского предотвратила потерю берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси, не дала прервать ее торговый обмен с другими странами и тем самым облегчила дальнейшую борьбу русского народа за независимость, за свержение монголо-татарского ига. Наш народ вплоть до начала XVII в. успешно оборонял Неву, и временный захват ее берегов и других русских земель Швецией в 1611 г. кончился для последней крахом. Разбитая затем при Петре I, Швеция постепенно потеряла значение крупной державы. Недаром, считая себя прямым продолжателем дела Александра Невского, Петр I приказал перевезти его прах в Петербург.

Нападение немецких и датских крестоносцев на Русь. Ледовое побоище

Победа Руси над Швецией явилась, однако, лишь частью великого дела обороны родины. Немногим больше месяца прошло со времени битвы на Неве, как немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии, в том числе из Оденпэ, Дерпта и Феллина, а также датские рыцари из Ревеля под руководством Кнута и Абея, сыновей короля Вальдемара II, предприняли большой поход на Русь. Как и шведский, этот поход был подготовлен благодаря содействию папской дипломатии. На него не жалели усилий, используя, как это бывало уже не раз, предательство некоторых сепаратистски настроенных князей и бояр. Им давали хлебные должности в Риге, а они «жаловали» врагам русские земли. Так, беглый псковский князек Ярослав Владимирович «подарил» дерптскому епископу «Псковское королевство»⁸. Он участвовал и в немецко-датском походе на Русь. Возглавляя поход, как думают ученые, ливонский вице-магистр Андреас фон Вельвен, так как сам ландмейстер Дитрих фон Грюнинген был в это время с орденским войском отвлечен военными действиями против куршей и литовцев.

Неприятель после ожесточенного сопротивления захватил русскую крепость Изборск. Когда об этом стало известно в Пскове, местное ополчение, в которое вошли «всеи до души» боеспособные псковичи, выступило против рыцарей и пошло к Изборску. В ливонской «Рифмованной хронике» читаем:

«Жители Пскова тогда
Не возрадовались этому известию.
Так называется город,
Который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...

⁴ Там же.

⁵ См. Л. В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М. 1968, стр. 33.

⁶ А. С. Пушкин. Соч. Т. I. М.-Л. 1936, стр. 588, 782. Участником Невской битвы был правнук легендарного Ратши Гаврила Олексич. См. С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, стр. 45.

⁷ М. Н. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М. 1941.

⁸ «Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch» (далее—LUB). Bd. III. Reval. 1857, № 200a.

Они не медлили,
Они собрались в поход
И грозно поскакали туда,
Многие были в блестящей броне;
Их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков...
Начался жестокий бой...»⁹.

Однако псковичи были разбиты превосходящими силами противника. В неравном бою пал и княжеский воевода в Пскове Гаврило Гориславич. Ливонцы же «пригонивше под город [Псков], и зажгоша посад в[е]сь; и много зла бысть: и погореша церк[в]ы и честныя иконы и книги... и много сел попустиша» близ города. Немецкие войска целую неделю осаждали Псков, однако взять силой его не смогли. Если бы не бояре-изменники, захватчики так и не взяли бы город, который за свою историю выдержал 26 осад и ни разу не открыл ворот врагу¹⁰. Даже немецкий хронист, сам человек военный, считал, что псковская крепость при условии единства ее защитников неприступна¹¹. Пронемецкая же группировка среди псковских бояр существовала давно. Она отмечена в летописи еще в 1228 г., когда бояре-изменники заключили союз с Ригой. Но затем эта группировка держалась в тени, имея в числе своих сторонников и посадника Твердилу Иванковича. После поражения псковских войск эти бояре, что «перевет держаче с немци», сперва добились того, что Псков выдал крестоносцам в залог детей местной знати, затем некоторое время прошло «беза мира», и, наконец, боярин Твердило и другие «подвели» рыцарей в Псков.

Опираясь на немецкий гарнизон, изменник Твердило «сам поча владети Пльсковомь с немци...»¹². Власть его была только видимостью, на деле же весь государственный аппарат прибрали к рукам немцы. В частности, «тиуни [то есть фогты] их [у псковичей] посажени»¹³ были, чтобы творить суд. В немецкой хронике уточнено: «Там оставили двух братьев-рыцарей, которым поручили охранять землю, и небольшой отряд немцев». Бояре, не согласившиеся на измену, бежали с женами и детьми в Новгород. Твердило и его сторонники помогали немецким захватчикам, «воюя села новгородская». Таким образом, они предали Русскую землю врагу, а трудовой народ, населявший города и села, подвергли ограблению и разорению, надев на него ярмо немецкого феодального гнета. В «Рифмованной хронике» читаем, что князь (видимо, все тот же Ярослав) «по своей доброй воле оставил замки и хорошие земли в руках братьев-тевтонов, чтобы ими управлял магистр»¹⁴.

Положение сложилось опасное. Меры для обороны нужны были срочные и решительные. Князь Александр Ярославич, не рассчитывая на большую помощь от недавно разоренной монголо-татарами Владимиро-Суздальской Руси, вероятно, возложил на новгородское боярство крупные расходы по подготовке к войне и старался упрочить свою власть в республике. Новгородское боярство, ставя собственные интересы выше интересов родины в целом, вступило с князем в конфликт, в результате которого зимой 1240 г. он с семьей и двором уехал к отцу в Переяславль-Залесский. Ситуация напоминает ту, которая сложилась во время размирья его отца с Новгородом в 1228 году.

В начале 1241 г. военное положение стало еще более грозным. С юга пришли вести о падении Киева. Рыцари вместе со вспомогательными отрядами эстов захватили и обложили данью Водьскую землю, сманив на свою сторону часть местной знати. Крестоносцы помышляли обосноваться на берегах Невы и в Карелии. Папская курия, внимательно следившая за ходом войны, одобрила соглашение крестоносцев с Генрихом, доминиканским епископом о-ва Эзель (Сааремаа), передав ему право церковно-

⁹ «Livländische Reimchronik» (далее — LR). Ed. L. Meyer. Paderborn. 1876, v. 2099—2117. Перевод этого текста и последующих цитат см. Ю. К. Бегунов, И. Э. Клейнберг, И. П. Шаскольский. Письменные источники о Ледовом побоище. «Ледовое побоище. Труды комплексной экспедиции по уточнению места «Ледового побоища». М.-Л. 1966, стр. 205.

¹⁰ С. А. Тараканова. Древний Псков. М.-Л. 1946, стр. 28.

¹¹ LR, S. 177, v. 7726—7728.

¹² НПЛ, стр. 77.

¹³ «Житие Александра Невского», стр. 190.

¹⁴ LR, v. 2173—2175, 2160—2163.

политического управления землями, лежащими «между Эстонией и Русью» (речь шла о Водьской земле (Watland), Ижорской земле (Ingria), реке Неве (Nouve) и Карелии)¹⁵. Тогда же рыцари построили в Копорском погосте укрепленный город. Летописец, сообщив об этом, добавляет, что «и не то бысть зло, но и Тесов [на реке Оредеж] взяша, и за 30 верст до Новгорода гоняшася, гость [купцов] биюче»¹⁶. Рыцари дошли также до Сабельского погоста, который лежал в 40 верстах от Новгорода. Враг захватил обширную территорию в районе Изборск—Псков—Сабель—Тесов—Копорье. Видимо, в это время, когда в город из всех окрестных сел и погостов сбегалось спасавшееся от грабителей население, там вспыхнуло народное движение в поддержку сторонников союза с владими́ро-суздальскими князьями. Массы новгородских горожан, не желавшие в угоду корыстному боярству становиться рабами тевтонов, требовали организовать отпор врагу.

Новгородское вече отправило послов к Ярославу Всеволодовичу, и он отпустил к ним княжить своего сына Андрея. Но Андрей, не отличавшийся особыми способностями, не подходил для столь ответственного дела. Поэтому новгородцы, собравшись на вече и «сдумавше», послали к Ярославу Всеволодовичу епископа «с мужи» просить к себе Александра Ярославича. В это время немцы, собрав свои полки, а также кое-какие отряды из эстов и литовцев, продвигались вперед. Они «поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати [пахать] по селом и нечимь...»¹⁷. Об этом послы, должно быть, сообщили Ярославу, и он отпустил к ним Александра. Приезду мужественного князя «ради быша новгородци». В том же году князь Александр, собрав войско из новгородцев, ладожан, а также карел и ижорян, выступил против крестоносцев. Неожиданным ударом русское войско выбило врага из Копорья. Тогда же была освобождена от врагов земля води. Захваченных изменников из числа води и эстов, перешедших на службу к немецким феодалам, князь приказал казнить, а пленных немцев отправил в Новгород. Решительный отпор крестоносцам, мужество русских и союзных им полков принесли первый успех. Это оказало воздействие на став врага: вспыхнуло антинемецкое восстание героических жителей Сааремаа, которые перебили рыцарей и духовенство; едва избежал смерти и незадачливый претендент на русские владения епископ Генрих. Андреас фон Вельвен поспешил подписать с сааремаасцами договор, в котором прямо отметил, что подвигнут к тому «настоятельной необходимостью»¹⁸. Подготавливая контрнаступление на врага, Александр Невский обратился за помощью во Владимир, и князь Ярослав Всеволодович отправил ему вновь сформированные после татаро-монгольского погрома владими́ро-суздальские «низовские» полки во главе с сыном Андреем. Немецкая хроника сообщает, что Александр «велел своему народу готовиться к походу»¹⁹.

Со всеми объединенными силами, которыми тогда располагала Русь, князь Александр Ярославич вступил в землю эстов; от действий его войск зависела судьба Русской земли. Начав наступление, Александр перекрыл все пути, ведущие на Псков («зая все пути и до Пльскова»), а затем вдруг свернул к Пскову. Неожиданным «изгоном» его полки освободили от захватчиков и предателей-бояр этот древний русский город. Пленных князь отправил в Новгород; псковские предатели, вероятно, разделили судьбу копорских. В «Рифмованной хронике» это событие описано так:

«Туда он прибыл с большой силой;
Он привел много русских.
Чтобы освободить псковичей.
Этому они от всего сердца обрадовались.
Когда он увидел немцев,
Он после этого долго не медлил,
Он изгнал обоих братьев-рыцарей,
Положив конец их фогтству,
И все их слуги были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
Русским оставили они землю».

¹⁵ LUB. Bd. III, № 196a (13 апреля 1241 г.).

¹⁶ НПЛ, стр. 78.

¹⁷ Там же.

¹⁸ LUB. Bd. I, № 169.

¹⁹ LR, v. 2210.

Далее хронист-завоеватель морализирует:

«...Если бы Псков был тогда убережен,
 Это приносило бы ныне пользу христианству
 До самого конца света.
 Это — неудача.
 Кто покорил хорошие земли
 И плохо их занял военной силой,
 Тот заплачет, когда он будет иметь убыток»²⁰.

Вскоре после освобождения Пскова Александр Ярославич повел свое пополненное псковичами войско в землю эстов. В то время, как русское войско находилось на западном берегу Чудского озера, занятое фуражировкой и сбором продовольствия, здесь, в районе селения Моосте, дозорный конный отряд во главе с Домашем Твердиславичем и Кербетом (один из «низовских» тверских воевод) разведал расположение основной массы немецких войск и завязал с ними бой, но был разбит. При этом враги убили «мужа чести» Домаша «и инех с ним... а инех руками изымаша», остальные же «к князю прибегоша в полк»²¹. Приближалась решительная битва, которой искало русское войско и о которой с тревогой и надеждой думал народ и в Новгороде, и в Пскове, и в Ладоге, и в Твери, и во Владимире, и в Суздале.

Что же сделал князь Александр? Он приказал своему войску отступить на лед Чудского озера: «...Князь же вспятыся на озеро». Чтобы понять этот шаг выдающегося полководца, необходимо сказать несколько слов о военной организации Ордена. В средние века ядро армии состояло из феодалов-рыцарей, которые сражались каждый в одиночку и в любой момент из страха или в погоне за добычей могли оставить поле боя. Крестовые походы достаточно ясно обнаружили слабость рыцарских войск. Нужда в постоянном войске для осуществления непрерывных захватов привела к созданию рыцарских орденов. Орден являлся более или менее стройной военной организацией, с известной дисциплиной. Вступая в Орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Уставы Орденов — тевтонов, тамплиеров и иоаннитов — тщательно регламентировали поведение рыцарей в походе и бою: орденские заповеди слишком хорошо знали своих «братьев», которые и в составе Ордена мало чем отличались от разбойников. Организаторам Ордена меченосцев удалось создать по тому времени достаточно дисциплинированное, отлично вооруженное войско. Ученые полагают, что конные рыцари применяли особое построение войска в виде клина или трапеции. Этот строй наши летописцы называли «свиньей». Пешими в бой шли слуги. Главной целью пехоты была помощь рыцарям. У тевтонов пехота состояла из горожан-колонистов, отрядов, выставляемых покоренными народами. Первыми в бой вступали рыцари, а пехота стояла под отдельным знаменем. Если в бой вводили и пехоту (что, видимо, имело место в Чудской битве), то ее строй, вероятно, замыкался рядом рыцарей, так как пехота подобного состава была ненадежна. Задача клина сводилась к раздроблению центральной, наиболее сильной части войска противника. Применяя такое построение, немецкие крестоносцы наносили поражения разрозненным отрядам ливов, латгалов, эстов. Но русские, а позднее и литовцы нашли средство борьбы с закованной в панцири «свиньей».

Блестящим примером тому является битва на льду Чудского озера. Обычный боевой строй русских войск состоял из сильного центра, где находился большой полк («чело»), и двух менее сильных флангов («крылы»). Это построение не было наилучшим в борьбе со «свиньей» крестоносцев, и Александр Невский смело изменил тактику русских войск: он сосредоточил основные силы на флангах, что немало способствовало победе. Новая тактика и вызвала отступление русских на лед озера. Как и следовало ожидать, «немцы же и чюдъ поидоша по них».

Специальные археологические и гидрологические изыскания последних лет привели исследователей к выводу, что князь Александр поставил свое войско на мелководном, промерзшем до самого дна прибрежном участке Узмени, причем его боевой порядок почти примыкал к лесистому восточному берегу. Он избрал ледяную поверхность Узмени потому, что глубокие снега и лесисто-болотистые окрестности не позво-

²⁰ LR, v. 2183—2193; 2195—2201.

²¹ НПЛ, стр. 78.

ляли развернуть боевой порядок на суше. Здесь же правый фланг был защищен открытой слабым льдом Сиговицей, а на левом фланге был далекий ледяной обзор. Наступавшее по открытому льду немецкое войско было вынуждено обнаружить свои силы, построение и направление удара²².

На рассвете («всходящую солнцю») 5 апреля 1242 г. вся масса немецких войск устремилась на русских: «Наехаша на полк немци и чюдь и прошибошася свиньею сквозе полк...». Крестоносцы пробились сквозь русское войско, но битву проиграли. Рыцарская конница оказалась перед занесенным глубоким снегом, непроходимым для нее лесистым берегом Узмени. Внезапно она была атакована основными силами русских, сосредоточенными вопреки традиции на флангах, и «бысть сеча ту велика немцемь и чюди». Послушаем немецкого хрониста:

«Немци начали с ними бой.
Русские имели много стрелков,
Которые мужественно приняли первый натиск,
Находясь] перед дружиной князя.
Видно было, как отряд братьев-рыцарей
Одолел стрелков;
Там был слышен звон мечей
И видно было, как рассекались шлемы.
С обеих сторон убитые
Падали на землю.
Те, которые находились в войске братьев-рыцарей.
Были окружены...
Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись,
Но их там одолели...»²³

Русские сражались за справедливое дело, за свободу родины. Они, как образно пишет автор «Жития», «исполнишася духом ратным: бяху бо сердца их, акы сердца львом», а «трусак от копий ломления и звук от сеченна мечного» был такой, будто «езеру померзъшу двинути ся; и не бе видети леду; покры бо ся кровию»²⁴. Русские люди «кровь свою проляша» не напрасно, ибо «немци ту падоша, а чюдь [эсты] даша плеща»²⁵, то есть бежали. Победа была решительная: русские яростно преследовали обратившегося в бегство врага по льду до Соболицкого берега. Было убито одних только рыцарей 400, кроме того, 50 рыцарей русские «руками яша», немало пало и пеших. Посрамленных пленных крестоносцев вези в Новгород, как сказано в Псковской летописи, «овы изби и овы связав босы, поведе по льду»²⁶. Видимо, убежавшие крестоносцы сбрасывали с себя тяжелые доспехи и обувь.

«Возвратися князь Александр с победою славною. И бяше множество много полоненых в полку его, и ведяхуть я босы подле коний, иже именууть себе божиин рытори (Ritter — рыцарь)»²⁷. Когда войско приблизилось к Пскову, то «весь народ сретоша и перед градом подающе... славу» русскому войску и князю Александру. Победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела огромное значение для всей Руси и связанных с ней народов, она спасла их от жестокого иноземного ига. Международное значение этой победы очевидно, если учесть, что впервые был положен предел грабительскому «натиску на Восток», который немецкие правители осуществляли в течение нескольких столетий. Эта битва сыграла решающую роль и в борьбе литовского народа за независимость: подчинив Новгородско-Псковскую Русь, немецкий Орден стал бы неизмеримо более опасным для Литвы. Древний автор «Жития» нашего великого предка князя Александра правильно отметил, что с этой поры «нача слыти имя его по всем странами и до моря Египетского, и до гор Араратских, и об ону страну моря Варяжского [Балтийского], и до великого Рима»²⁸. Битва непосредственно отразилась и на политическом положении Прибалтики. Произошло восстание в земле куршей, где рыцари успели продвинуться после поражения у Шауляй, по-

²² Г. Н. Кареев. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции. «Ледовое побоище», стр. 145—166.

²³ LR, v. 2240—2251, 2255—2256.

²⁴ «Житие Александра Невского», стр. 191.

²⁵ НПЛ, стр. 78.

²⁶ «Псковские летописи» (далее—ПЛ). Вып. I. М.—Л. 1941, стр. 13.

²⁷ «Житие Александра Невского», стр. 191.

²⁸ Там же, стр. 192.

строив и заняв ряд замков и создав угрозу южным землям Жемайтии. Курши призвали на помощь Литву: литовский великий князь Миндовг, который, по словам немецкого хрониста, «очень ненавидел крестоносцев», привел 30-тысячное литовское войско. Положение Ордена надолго осложнилось.

В том же 1242 г. союзный Волини князь Польского Поморья Святополк решительно порвал соглашение с прусскими крестоносцами и, вторгшись в их владения, возглавил первое восстание пруссов; помощь Святополку оказал великий князь литовский Миндовг. Немецкий тевтонский хронист Петр Дюсбург именует Святополка «сыном греха и погибели» и говорит, что в то время «почти вся Пруссия была окрашена христианской кровью» рыцарей²⁹. Восставшие почти полностью очистили прусские и польские земли от рыцарей, которые потеряли Мариенвердер и все другие укрепления, кроме пяти (Кульм, Торн, Рейден, Балга и Эльбинг). Прусско-поморские войска Святополка нанесли 15 июня 1243 г. у Рейзенского озера поражение тевтонским рыцарям, которые потеряли здесь своего ландмаршала Берливина и орденское знамя. Удар русских войск по крестоносцам отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания немецкий Орден.

Западные державы и тут поддержали Орден. Папа Иннокентий IV (1243—1254 гг.) пожаловал великому магистру Герхарду перстень как символ сеньюриального покровительства. Папский легат Вильгельм Моденский подтвердил в 1245 г., что земля куршей есть «часть Пруссии и должна управляться по ее законам». По просьбе великого магистра Генриха фон Гогенлоэ германский император Фридрих II «утвердил» за Орденом права на обладание землями куршей, земгалов и литовцев. Только вмешательство папства и империи, а также отсутствие единства среди славянских и литовских князей спасли захватчиков от полного разгрома. К 1249 г. восстание пруссов было жестоко подавлено. Развернув наступление в Центральной Пруссии (Самбии), крестоносцы основали на побережье крепость Кенигсберг, перекрыв устье реки Преголы. Что касается ливонских рыцарей, то еще в 1242 г. они «пришлаша [послов] с поклоном» в Новгород. Послы заявили: «Что есмь зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечемь, того ся всего отступаем, а что есмь изымали мужий ваших, а теми ся розменим: мы ваши пустим, а вы наши пустите»³⁰. Псковские заложники также были отпущены на родину. На этих условиях новгородское правительство «умиришася» с Ливонским орденом. Мирный договор был подписан в 1242 г. без князя Александра, видимо, находившегося во Владимиро-Суздальской Руси, где он замещал отца, которого в ту пору вызвали в ставку хана Золотой Орды. Отношения Руси с монголо-татарскими феодалами стали государственным делом первостепенной важности.

Борьба за охрану северо-западных рубежей Руси

Началась тяжелая пора монголо-татарского ига. Но борьба за охрану северных и западных рубежей страны, которые находились под постоянной угрозой со стороны Швеции, Дании и немецкого Ордена, не прекращалась. В те же годы Русь утратила свои владения в Финляндии. Вот как это произошло. После разгрома на Неве шведское правительство не отказалось от мысли завладеть землей финнов. В начале 1248 г. правителем Швеции стал Биргер, который занялся подготовкой похода на Финляндию. Политическое положение в земле финнов красноречиво характеризует такой факт: епископ Томас, один из организаторов шведской агрессии против Руси, покинул в середине 40-х годов XIII в. Финляндию и отправился доживать свои дни на остров Готланд. По словам финской хроники, он поступил так «из страха перед русскими и карелами», которых поддерживали финны. Шведские феодалы начали новый этап завоевания страны финнов. Биргер собрал в 1249 г. большое рыцарское войско и высадился на южном берегу одной из областей Финляндии — Нюландии. Сопrotивление еми было сломлено, и к середине 1250 г. она попала под власть шведов. Политическое положение Новгорода в то время не позволило ему оказать помощь финнам, что и дало повод автору одной из хроник заметить: «Ту страну, ко-

²⁹ Petri de Dusburg. Chronica terrae Prussiae (далее — PD). Leipzig. 1861. Lib. III, cap. 35.

³⁰ НПЛ, стр. 78.

торая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»³¹. Это известие подтверждает факт существования длительных и прочных русско-финских связей в предшествовавшее данным событиям время.

Биргер заложил в центре Финской земли, на берегу озера Ваная, крепость Тавастгус и поселил здесь шведских колонистов, раздав им финские земли. Коренное население было обложено тяжелыми поборами, в том числе церковной десятиной. Однако шведским феодалам тогда еще не удалось свести на нет русско-финские связи, что ясно обнаружилось в ближайшие же годы. Окрыленные успехами в земле финнов, шведы, зная, что Новгороду грозит монголо-татарское иго, рискнули провести в 1256 г. еще одно наступление на Северо-Западную Русь, на этот раз в союзе с Данией (с ее вассалом, правившим в Ревеле). В поход были двинуты также вспомогательные финские отряды. Союзники решили закрыть Руси выход в Финский залив, занять Вольскую, Ижорскую и Карельскую земли. Они укрепились на реке Нарове и начали строить город на ее восточном, русском берегу. Папская курия поддержала новую агрессию: вербовала крестоносцев и даже назначила специального епископа для этих земель. В то время в Новгороде войск Александра Ярославича не было. Новгородцы послали к нему во Владимир «по полкы», но и сами не сидели сложа руки, а «по своей волости рослаша», также собирая рать. Шведские и датские феодалы, видимо, не ожидали таких быстрых действий и, узнав о них, отступили («побегоша за море») ³².

Зимой того же года пришел из Владимира князь Александр Ярославич с полками. Он намеревался дать должный ответ шведскому правительству, организовав поход в землю финнов. Но новгородское боярство, либо признав уже утрату Финляндии, либо, возможно, не рассчитывая, что подчиненная ему будет приносить доход именно Новгороду, а не князю, не поддержало этот поход, и лишь часть новгородских воинов отправилась вместе с князем. Пройдя по льду Финского залива в землю еми, русское войско опустошило здесь шведские владения. Поход в суровых зимних условиях был чрезвычайно трудным. «И бысть зол путь, аky же не видали ни дни, ни ноци; и многим шестником [участникам похода] бысть пагуба», — отметил летописец. Хотя земля еми была ослаблена жестоким шведским завоеванием, вступление русского войска тотчас вызвало здесь антишведское восстание. О нем мы узнаем из послания папы Александра IV (1254—1261 гг.), который писал, что русские и карелы напали на шведских колонизаторов, пришедших в страну финнов, и убили «многих из его [короля] верноподданных, обильно пролили кровь, много усадеб и земель предали огню» и многих финнов, «возрожденных благодатью священного источника, прискорбным образом привлекли на свою сторону...» ³³.

Итак, насильственно крещенные и угнетаемые шведскими феодалами, финны в большом числе присоединились к русским. Но финский народ был так ослаблен, что не смог помочь русскому войску закрепить победу, и владими́ро-суздальским полкам пришлось ограничиться лишь разгромом шведских колоний. Хотя этот поход (как и новгородский поход 1311 г. к Тавастгусу) ³⁴ и не вернул ему под власть Новгорода, все же он показал шведскому правительству, что монголо-татарское нашествие не изменило отношения Руси к иноземным захватчикам.

С огромным напряжением сил отстаивала Русь свои позиции и в Карелии, в отношении которой у Новгорода возник конфликт с Норвегией. В древней саге исландца Стурла, сына Тарда, посвященной норвежскому королю Хакону (1217—1263 гг.), читаем: «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики [«страны городов» — так именовали скандинавы Русь] послы Александра, конунга Хольмгарда [Новгорода]. Звался Микьял [Михаил] и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники [сборщики дани] Хакона конунга и его сына на севере в Марке [Финмаркене, на окраине земли саамов] и восточные кирьялы [карелы], те, что платили дань конунгу Хольм-

³¹ И. П. Шаскольский. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50-х годов XIII в. «Исторические записки». Т. 43. 1953, стр. 185—186.

³² НПЛ, стр. 81.

³³ И. П. Шаскольский. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50-х годов XIII в., стр. 196.

³⁴ НПЛ, стр. 93.

гардом, потому что между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства. Были там совещания, и было решено, как этому положить конец. Им [русским послам] было также поручено повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгарда велел им узнать у Хакона конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга». «Хакон конунг,— повествует далее сага,— решил так: послал мужей из Трандхейма весной и поехали [они] на восток вместе с послами Александра конунга... Прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны [саамы]; и продержалось это соглашение недолго. В то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгарда. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того как они [норвежские послы] закончили порученное им дело, поехали они с востока с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике»³⁵.

Что же заставило Русь и Норвегию обменяться посольствами? За сотни верст от Новгорода русские данники-карелы в заполярной тундре столкнулись и вступили в борьбу с представителями чужеземного государства. Князь Александр Невский, придававший большое значение упрочению границ Руси, серьезно отнесся к тому, что северная граница, прикрывавшая русские владения — Карелию (Прионежскую и Беломорскую) и значительную часть страны саамов (в первую очередь ближайшую к Новгороду часть, Кольский полуостров)³⁶, до сего времени еще не была определена, так как до той поры русско-норвежские пограничные отношения ни разу официально не оформлялись.

Следовательно, русская государственная власть даже в трудных условиях начала 50-х годов XIII в. продолжала проводить активную внешнюю политику. Самый факт сватовства Василия, сына Александра Ярославича, к дочери норвежского короля объясняется не только желанием русской дипломатии укрепить пограничные отношения, но и стремлением установить русско-норвежский союз в противовес шведско-норвежскому. Правда, брак не состоялся, но норвежское посольство было пышно принято, а спорные вопросы успешно решены: Русь и Норвегия установили мир так, «чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны».

Сохранился и текст этого выработанного при переговорах в Новгороде соглашения, оформленного в виде специальной «разграничительной грамоты». Она гласит: «Вот границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов по тому, что говорили старые люди и говорят теперь старые поселенцы и финны [саамы]; далее следует географическое определение границ сбора дани с саамов норвежцами и карелами. Из перечня географических наименований вырисовывается весьма яркая картина политических отношений в стране саамов: выясняется, что Русь собирала дань до Ивгей-реки и Лунгенфьорда, то есть до западной границы страны саамов, почти до пределов собственно норвежской территории. В грамоте предусмотрено право норвежцев собирать дань также с той территории кочевников-саамов, которую освоили карелы: эта часть территории саамов определена как общий русско-норвежский округ по сбору дани. Отношения с Норвегией с той поры были поставлены на прочную основу государственных соглашений. Были определены и нормы сбора даней с этой территории саамов: «Брать в тех крайних границах не более пяти серых шкур [беличьих] с каждого лука [охотника], или по старине, если они [жители] хотят, чтобы по старине было». Таким образом были установлены мирные отношения с Норвегией³⁷. Укрепление русских границ с владениями Швеции, Дании и Норвегии обеспечивало безопасность Новгородской земли на северо-западе.

Борьба за Карелию носила упорный характер. Карельский народ неоднократно

³⁵ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки». Т. 14. 1945, стр. 56; его же. Посольство Александра Невского в Норвегию. «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 113.

³⁶ И. П. Шаскольский. О первоначальном названии Кольского полуострова. «Известия» Всесоюзного географического общества, 1952, № 3, стр. 201—204.

³⁷ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией, стр. 52—53.

выступал совместно с русскими против притязаний шведских феодалов и немецких крестоносцев. В 1282—1283 гг. шведские пираты добирались через Неву до Ладожского озера. Порой они грабили новгородских купцов, которые торговали в Обонежье, а то пытались собирать дань в Карелии («хотяще на Кореле дань взяти»), но их набеги новгородцы и ладожане отбивали. В это же время шведское правительство развернуло наступление на земли Карелии. Несмотря на сопротивление карел, ижорян и новгородских полков, шведские войска захватили часть Западной Карелии и построили там в 1293 г. крепость Выборг. Попытка занять эту крепость, предпринятая в следующем году войсками великого князя Андрея Александровича, не увенчалась успехом, хотя они «пришибошася» к Выборгу крепко. Тогда «мнози ранени быша» стрелками со стен, а ночью «по грехом нашим бысть оттепелес, располися вода под городом, а конем не бысть корма», и поэтому войскам великого князя пришлось отойти. Однако когда в 1295 г. шведский воевода Сигге Лакке проник по Вуоксе к Кореле и возвел здесь укрепление (вероятно, земляные валы с бревенчатым частоколом), новгородцы город снесли, а воеводу убили: «Поставиша Свея с воеводою своим Сигом город в Кореле; новгородци те, шедши, город розгребоша, а Сига убиша, не пустиша ни мужа»³⁸. На месте прежнего укрепления новгородское правительство для охраны западного побережья Ладожского озера построило в 1310 г. крепость Корелу (Кексгольм, ныне Приозерск): «Ходиша новгородци в лодьх и в ловах в озеро и идоша в реку Узьерву (Вуоксу), и срубиша город на пороже (то есть пороге) нов, ветхый сметавше»³⁹.

Видимо, Швеции все же удалось удержать захваченные карельские земли, так как новгородские бояре в грамоте, адресованной князю Михаилу Ярославичу в 1304—1305 гг., жаловались, что княжеский наместник, которого Новгород «кормил» доходами с Карелии, эту «Корелу всю истерял и за немце [шведов] загонил». Борьба обострилась⁴⁰. Крепость Корела успешно выдерживала нападения шведов⁴¹. Одновременно Новгородской земле приходилось отстаивать от шведских захватчиков устье Невы — выход в Балтийское море. Не ограничиваясь отдельными набегами, шведское правительство предприняло попытку прочно обосноваться на Неве. В 1300 г. сюда на судах прибыли шведские рыцари «в силе велице», привезли «мастеров» своих, а также от папы Бонифация VIII (1294—1303 гг.) «мастер приведоша нарочит [отличный]» и построили в устье реки Охты крепость Ландскрону («Венец земли»), установив в ней метательные орудия. Эту крепость они «утвердиша твердостью несказанною». Возглавляя поход «наместник королев» воевода Торкель Кнутсон; он оставил в крепости «мужи нарочитыи с воеводою Стенем...». Таким образом, шведское правительство вновь попыталось закрыть выход в море Новгороду и всей Руси. Но этот замысел не удался. Уже в следующем году низовские полки великого князя Андрея Александровича совместно с новгородскими и ладожскими силами «потягнуша [потрудились] крепко» и заняли Ландскрону. Из шведского гарнизона никому не удалось спастись: русские «овых избиша и исекоша, а иных извзяваше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша»⁴². Были приняты меры к укреплению самого Новгорода: началось строительство городской каменной стены.

Положение в Финском заливе оставалось напряженным. В 1322 г. произошло крупное столкновение Руси со Швецией, когда московский князь Юрий Данилович совместно с новгородцами предпринял новый поход на Выборг, а затем для охраны пути в море распорядился построить город Орехов (позднее Шлиссельбург, ныне Петрокрепость), где, наконец, 12 августа 1323 г. был заключен со Швецией так называемый Ореховецкий договор о «вечном мире». Этот договор подтверждал предыдущие, не сохранившиеся до нашего времени соглашения. Поэтому в летописи сказано, что заключен он с «великими послами» шведского короля «по старой пошлине»⁴³. О том же свидетельствует извлеченная из земли берестяная грамота, содержащая жалобу

³⁸ НПЛ, стр. 328 (Комиссионный список).

³⁹ Там же, стр. 92—93.

⁴⁰ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (далее — ГВН и П). М.-Л. 1949, № 8, стр. 18.

⁴¹ НПЛ, стр. 96 (1322 г.).

⁴² Там же, стр. 91.

⁴³ Там же, стр. 96, 97.

русского данщика Григория на нарушение шведской стороной этого договора: оказывается, граница между Русью и Швецией на обширном протяжении от района озера Сайма до берега Ботнического залива была к тому времени достаточно подробно определена⁴⁴.

Договор этот заключил на равных началах московский великий князь Юрий Данилович «с братом своим с князем свейским» Магнусом. Новыми статьями устье Невы признавалось за Новгородом с условием, что в Карелии ни шведы, ни русские не будут ставить новые крепости. Хотя этот договор был невыгоден Руси, утратившей право на земли еми и часть Карелии (три западных погоста — Ейрепя, Якис и Саволак), он все же в известной мере обеспечивал свободу торговли Руси с другими странами Европы. Видимо, поэтому в составлении договора участвовали и купцы с острова Готланд. Вот как звучит эта статья: «Гости гостити без пакости из всей Немьщной земе: из Люб[е]жа, из Готского берега, и Свейской земле по Неве в Новгород, горою и водою [по суше и по воде]; и свейм всем из Выбор[г]а города гости не перемимати [не перехватывать]. Также и нашему гостю чист путь за море». В этих скупых строках заключен результат долгой борьбы Руси за свободу плавания по Балтийскому морю. Согласно договору, шведское правительство было обязано соблюдать нейтралитет в случае столкновения Руси с Данией, точнее, с ее вассалами в Ревельской земле. Таким образом, с помощью Московского княжества отношения Новгородской Руси со Швецией были урегулированы на длительное время⁴⁵. Ореховский договор лег также в основу последующих соглашений со Швецией Новгорода, а в дальнейшем и Русского централизованного государства.

3 июня 1326 г. в Новгороде с послом того же Магнуса (с 1319 г. Швеция и Норвегия вступили в унию под его властью) был подписан русско-норвежский договор. Этот договор восстанавливал старые русско-норвежские рубежи; обе стороны обязались взаимно отказаться от всех захваченных ими друг у друга земель и вернуться к границам, предусмотренным в «Разграничительной грамоте» договора от 1251 года. Подтверждалось также право взаимной свободной торговли: «Гости из Норвегии должны иметь проезд к Новгороду и Заволочью без всякого препятствия и, наоборот, гости из Новгорода и Заволочья должны иметь проезд в Норвегию без всякого препятствия»⁴⁶. Это был несомненный успех русской внешней политики в Северной Европе.

Значительно сложнее были отношения на западных рубежах Руси, прежде всего с Орденом и с Данией. Ливонские феодалы в 1253 г. совершили набег на псковский посад и подожгли его. Псковичи нанесли врагу ответный удар и причинили ему немалый урон. В помощь псковичам пришли новгородцы и вспомогательный карельский отряд. Русское войско перешло Нарову и опустошило владения немецких рыцарей («и створиша волость их пусту»). Опасаясь новых ударов, ливонцы поспешили отправить послов в Новгород и Псков и подписали в том же году договор о мире «на всей воли новгородской и на псковской»⁴⁷. Возможно, что во время этих переговоров состоялась встреча магистра Андрея фон Стирланда с Александром Невским. О ней сохранилось свидетельство в «Житии Александра Невского»⁴⁸. Орден соперничал с Ригой и мог попытаться установить прямой контакт с Русью, как это удалось на время тому же магистру в Литве. Однако на Руси его постигла неудача.

После краха крестового похода папская курия активизировала дипломатические попытки втянуть разоренную монголами Русь в орбиту своей политики. Александр Невский в первую очередь привлекал ее внимание. По словам «Жития Александра Невского», папа, вероятно, Иннокентий IV, прислал к нему специальное посольство, заявляя: «Слышахом тя князя честна и славна и земля твоя велика» и предлагая, приняв католичество, признать верховенство римского престола. Однако князь Александр понимал, что папа хочет толкнуть Русь на опрометчивую войну с Золотой Ордой, чтобы прежде всего облегчить Ордену его кровавое дело, а также установить на Руси свою

⁴⁴ И. П. Шаскольский. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV вв. «Археографический ежегодник». М. 1962. стр. 77—78.

⁴⁵ ГВН и П, № 38, стр. 67—68.

⁴⁶ Там же, № 39, стр. 69—70.

⁴⁷ НПЛ, стр. 80.

⁴⁸ «Житие Александра Невского», стр. 187—188.

власть. Поэтому он, посоветовавшись с приближенными боярами, составил папе письменный ответ («въсписа к нему») и на словах решительно отклонил папские домогательства: «Сии вся добре съведаем, а от вас учения не приемлем»⁴⁹. Дальновидное решение князя определило внешнеполитический курс страны на многие десятилетия.

Новое поражение ливонских феодалов у русских границ не изменило их захватнических стремлений. Папская курия также не теряла надежды на успех, призывая новые партии крестоносцев на борьбу против Руси. В Западной Европе еще не перестали сомневаться в победе Ордена над Русью. Посол французского короля Людовика IX в Орду Вильгельм Рубруквис, например, писал в 1253 г., что «братья Тевтонского ордена», «разумеется, легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это»⁵⁰. Но действительность была иной. Об этом свидетельствовали события 60-х годов XIII века. Установив сравнительно мирные отношения с монголо-татарскими ханами, князь Александр Ярославич стал искать соглашения с Литвой с целью уничтожения Ливонского ордена. Он пришел к этой мысли после того, как в 1260 г. в битве у озера Дурбе войска великого князя литовского Миндовга наголову разбили немецких крестоносцев. Результатом победы было новое восстание пруссов, потрясавшее основы власти Ордена вплоть до 1283 года. Тогда же Миндовг отправил послов к Александру Ярославичу, понимая, что только с помощью русских можно было закрепить победу над крестоносцами. Литовские послы, по словам немецкой «Рифмованной хроники», вернувшись, сообщили, что на Руси «рады перемене чувств» Миндовга.

Александр Ярославич, в свою очередь, направил в 1262 г. посольство в Литву, обещая ей большую помощь. Тогда же он и Миндовг заключили союзный договор против немецких крестоносцев. Очевидно, Миндовг признал права Александра Ярославича на Полоцк. Был намечен совместный поход на Вишу, а Тройнату, князю Жемайтии, поручалось поднять восстание среди ливов и латгалов. Ливонским рыцарям грозило полное уничтожение. Тройнат, опасаясь, видимо, усиления Миндовга, выступил преждевременно, и когда зимой 1262 г. литовские войска, разоряя немецкие замки, пришли под Венден, русских там не оказалось, хотя из немецкой хроники мы знаем, что они «очень спешили»⁵¹. Лишь когда войско Миндовга возвратилось в Литву, русские полки вступили в землю эстов. Русское войско возглавлял князь Дмитрий Александрович. Оно включало княжеский «великий полк», новгородский сводный полк, витебский, тверской, полоцкий полки и литовскую дружину в 500 человек, которую вел полоцкий князь Товтивил. Сам Александр в это время был отвлечен ордынскими делами. Он поехал в Орду, стараясь предотвратить насильственную мобилизацию русских войск для участия в монгольских походах. Эта поездка Александра была последней. На обратном пути на Русь он заболел и умер в Городце 14 ноября 1263 года. Летописцы глубоко скорбили по поводу смерти этого крупного государственного деятеля, смелого и решительного полководца, дальновидного дипломата, который, «перемогаяся» с Ордой, отважно громил врагов родины, «за Новгород и за всю Рускую землю живот свой отдавая». В 1942 г. был учрежден специальный боевой орден Александра Невского, которым награждены тысячи мужественных участников Великой Отечественной войны.

Русские войска осадили Тарту (Юрьев), который был немцами укреплен «в 3 стены», и взяли его «одинымъ приступлениемъ» и «люди многы града тово овы побивша, а другы изымаша живы... и взяша товара бещисла и полона»⁵². Уцелел лишь замок на Тоомемяги. Заняв Юрьев, русские войска, однако, прекратили поход и возвратились в Новгород. Возможно, им стало известно об уходе литовских войск. Пусть этот первый русско-литовский союз, дальновидно осуществленный князьями Александром и Миндовгом, оказался кратковременным, но он впервые официально выразил растущее тяготение русских и литовцев к взаимному сближению ради защиты своей независимости от немецкого Ордена и его союзников.

⁴⁹ Там же, стр. 193. Подробнее см. В. Т. Пашуто. Очерки истории СССР (XII—XIII вв.). М. 1960.

⁵⁰ Вильгельм Рубруквис. Путешествие в Восточные страны. СПб. 1911, стр. 86.

⁵¹ LR. S. 148—149.

⁵² НПЛ, стр. 83.

В том же году в Новгород прибыли немецкие послы из Риги, Любека и с Готланды просить мира и возобновления торговли. Владимирский князь заключил с ними договор о мире и торговле. Этот договор восстанавливал «старый мир», то есть порядок русско-немецкой торговли, существовавший до немецкого вторжения в Восточную Прибалтику: «Новгород[е]м гостити на Гощкый берег бес пакости, а немцьм и г[о]тъм гостити в Новъгород бес пакости и всему латиньскому языку, на старый мир»,— читаем статью, известную нам по шведскому и норвежскому договорам. Это не новость: «А се старая наша правда и грамота, на чем целовали отци ваши и наши крест»⁵³.

Немецкое купечество северогерманских городов еще в 1229 г. заключило торговые договоры со Смоленском, Полоцком и Витебском⁵⁴, а затем и с Новгородом. Торговля по возможности не должна была прерываться и во время военных столкновений, что особенно ясно выражено в более позднем новгородско-немецком договоре от 17 мая 1338 г.: «А будет у новгородцев война с королем шведским, или с людьми датского короля, или с божьими рыцарями, или с епископом дерптским, или с епископом рижским, или с епископом зельским, немецкому купцу дела до этого нет, чистый путь ему, и горой, и водой, бес пакости»⁵⁵. Купцов можно понять: они покупали на Руси десятки тысяч беличьих шкур и другие меха, десятки тонн воска и иные товары⁵⁶. Подобные договоры были вынужденным признанием политической силы и экономической значимости Руси. Торговля с Русью велась, видимо, в больших масштабах. Она лимитировалась следующей статьей немецкого купеческого устава (так называемой «Скры») : «Никто не должен иметь права привозить во двор [немецких купцов в Новгороде товаров] более, как на тысячу марок серебра...» Купцов привозило в Новгород немало, судя по тому, что они здесь, подобно русским купцам в немецких городах, имели свой двор с церковью, луга для коней и ездили из Новгорода торговать в Карелию. Победы русского оружия заставили немецких крестоносцев и рижских, любекских и готландских купцов не только отказаться от надежд овладеть Новгородом и Псковом, но даже изменить что-либо в прежнем порядке взаимной торговли и не делать попыток блокировать Русь. Вооруженной и дипломатической борьбой Русь на время упрочила свои рубежи с Орденом.

Новгородское правительство не напрасно добивалось шведского нейтралитета на случай столкновения с Данией. Обеспечение безопасности Руси со стороны датских крестоносцев потребовало немалых усилий. Еще в 1268 г. новгородские бояре «под рукой» тверского великого князя Ярослава Ярославича предприняли большой поход на датских феодалов к Раквере (Везенберг), в земле Вирумаа. Возглавлял войско переяславский князь Дмитрий Александрович. С ним шли, кроме новгородских, «низовские», смоленские и полоцкие полки. По немецким данным, в этом войске насчитывалось более 30 тысяч воинов. Хотя походу предшествовало соглашение новгородского правительства с Ригой и Орденом, обещавшим не помогать датским феодалам⁵⁷, немецкие власти Дерпта, Феллина и Леаля нарушили его и неожиданно напали на русских, подошедших к реке Киюла у Раквере. Здесь 17 февраля «бысть страшно побоище, яко не видати ни отци, ни деди»,— говорит летописец. По правой руке против немецко-датского ополчения стояла псковская рать Довмонта и ладожане, рядом с ними, тоже по правую руку,— владимирские полки князей Дмитрия Александровича и Святослава Ярославича; «по леву», то есть против датчан, стало войско Михаила Ярославича и другие отряды; новгородцы же «сташа в лице железному полку противу великой свиньи». Обе стороны понесли большие потери⁵⁸. Немецкий хронист сообщает, что в первый день боя был убит дерптский епископ Александр, а пятитысячный полк князя Дмитрия устоял перед натиском рыцарей. На следующий день русские войска вновь вступили в бой и отогнали врага к Раквере, а затем три дня стояли «на костех» в знак победы. В то же время псковский отряд князя Довмонта совершил

⁵³ ГВН и П, № 29, стр. 56—57.

⁵⁴ «Памятники русского права». Вып. 2. М. 1953, стр. 54—71.

⁵⁵ ГВН и П, № 40, стр. 72.

⁵⁶ См. А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М. 1963.

⁵⁷ НПЛ, стр. 86.

⁵⁸ НПЛ, стр. 86—87; LR, S. 173—175.

опустошительный набег на немецкие владения до моря. В Пскове возникла особая «Повесть о князе Довмонте». Довмонт, родом литовец, ушел со своей дружиной из Литвы в Псков, приняв православие и имя Тимофей. Он был избран псковским вечем в князя (1266—1299 г.), и с той поры этот «страшен ратоборец» верно служил Руси.

У Новгорода в дальнейшем не было столкновений с датскими крестоносцами вплоть до 1294 г., когда ревельский наместник вскоре после постройки шведами Выборга перешел Нарову и на русской ее стороне соорудил укрепление, а также захватил близлежащие земли. Новгородцы дали отпор этой вылазке. Столкновения продолжались ряд лет и закончились русско-датским мирным договором, который новгородские послы в 1302 г., «докончавше» в Дании, привезли в Новгород⁵⁹.

Встречая отпор на землях Новгорода, немецкие рыцари не оставляли надежды завладеть Псковом. Они не раз нападали на псковский посад. В походы на Псков Орден бросал большие силы. После Ракверской битвы в 1269 г., спалив Изборск, через реку Великую к Пскову подступили 180 рыцарей ландмейстера Отто фон Лютгерберга при 18 тыс. ополчения и 9 тыс. корабельщиков⁶⁰. Они десять дней безуспешно осаждали город, неся сильные потери («большую рану въсприяша»). С помощью Новгород псковичи князя Довмонта отразили это нападение. Затем был заключен мир на выгодных для Пскова условиях («мир взяша на всей воли Пскову») ⁶¹. Мирный договор подтверждал условия русско-немецкого соглашения времен епископа Альберта⁶². Под угрозой русского похода на Таллин «немцы прислаша послы» в Новгород, прося: «кланяемся на всей воли вашей, Норовы всей отступаемся, а крови не проливайте», и тогда новгородцы заключили с ними договор «на всей воли своей»⁶³.

Новгородцы продолжали укреплять рубежи, поставив каменную крепость в Копорье (1297 г.)⁶⁴. Набег немецких рыцарей на Псков в 1298 г., когда они ограбили окрестности, закончился плачевно: Довмонт и воевода Иван Дорогомилев в тяжелой сече одних избили, других ранили, в том числе и комтура (военный правитель области) «раниша по главе»⁶⁵. История свидетельствует, что русская граница стала для Ордена непреступной. Опираясь на систему сильных укреплений Копорье — Орехов — Корела — Ладога — Изборск — Псков, к которым добавились каменные же крепости Ямгородок (1384 г.) и Порхов (1387 г.), Русь уверенно противостояла неоднократным попыткам Ордена, Дании и Швеции нарушить ее рубежи.

Освободительная борьба народов Прибалтики и Восточной Европы против ига немецкого Ордена и его союзников. Грюнвальдская битва

Отношения Новгородской и Псковской земель с немецко-ливонскими феодалами определялись теперь новыми условиями, возникшими в Восточной Прибалтике вследствие ее захвата Орденом. Русь утратила былые позиции не только в эстонских, но и в латвийских землях. Псковские данщики в Алысте (земля Атзеле) упоминаются в последний раз в 80-х годах XIII в., где их «избиша немцы»⁶⁶. Земли Даугавпилская и Ревельские в 60-х годах перешли, видимо, под власть Пскова, но ненадолго. В 1277 г. немецкие рыцари заняли Даугавпилс, который затем энергично осаждало литовско-русское войско князя Тройдена. Позднее крепость попала вновь под власть Литвы, но последняя не смогла ее удержать. Около 1313 г. ее опять захватили рыцари, овладевшие таким образом Подвиньем.

Курши после жестокой борьбы утратили независимость к 1267 году. Борьба земгалов продолжалась в течение нескольких десятилетий. Она находила поддержку в Литве и ознаменовалась крупными восстаниями под руководством Шабиса (1259 г.), которого даже немецкий хронист называет «доблестным героем»⁶⁷, и Намейсиса

⁵⁹ НПЛ, стр. 91.

⁶⁰ LR, S. 176—177, v. 7685—7770.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб. 1910, стр. 88.

⁶² LUB. Bd. I, № 410.

⁶³ НПЛ, стр. 88; проект договора см. ГВН и П, № 31.

⁶⁴ НПЛ, стр. 328; «Новгородская четвертая летопись» (далее—НПЛ). Птгр. 1915, стр. 249.

⁶⁵ НПЛ, стр. 250.

⁶⁶ «Псковские летописи». Вып. II. М. 1955, стр. 88.

⁶⁷ LR, S. 120.

(1279 г.). Немецкие феодалы понесли немалый урон от земгалов, которые, обороняя свои замки Тервете, Межоте, Добеле, Ракте и Сидрабе, сумели продержаться до 1290 г., когда пало последнее укрепление, а остатки их сил ушли в Литву. Латышский народ, как и эстонский, заставил врага дорого заплатить за захват своей земли. Свыше ста лет продолжалась борьба против иноземных захватчиков!

Исторические условия сложились не в пользу латышского и эстонского народов, которым пришлось сражаться разрозненными силами против немецких рыцарских войск, поддержанных постоянными подкреплениями из других западноевропейских стран. А монгольское нашествие и тяжелое иго лишили русский народ возможности помочь эстонскому и латышскому народам.

Пруссы после победы литовцев над рыцарями при Дурбе вновь восстали против засилья тевтонов. Восстание охватило всю завоеванную Орденом Пруссию, кроме Помезании и Хельминьской земли. Главным руководителем борьбы стал житель Натангии Геркус Мантас (Генрих Монте). Его войска, а также отряды вармийца Глаппе, барта Диване Медведя и других нанесли рыцарям тяжелые поражения и заняли замки Хейльсберг, Браунсберг, Кристбург, Визенбург, Крейцбург, Бранденбург, Мариенвердер, Бартенштейн и другие. Немецкие рыцари несли большие потери. По подсчетам папской курии, к 1261 г. пало до 1 000 рыцарей. Восставшие истребляли также прусскую знать, служившую Ордену. «Едва сдерживая слезы и с трудом поверив, что такое большое число рыцарей Ордена нашло смерть», папа Урбан IV стянул в Пруссию подкрепления из соседней Германии, а также из Дании, Чехии и Франции. Исторические условия в Пруссии не благоприятствовали освободительной борьбе пруссов: они сражались, не имея еще единого государства, общего войска и военачальника. Международное положение также не способствовало их освободительной борьбе. В частности, Литва не имела достаточных сил, чтобы изгнать рыцарей из Пруссии.

В начале 70-х годов XIII в. победа начала клониться на сторону Ордена. Один за другим гибнут вожди восстания. Окруженный врагами, до конца сражался Геркус Мантас. Пронзенное мечом тело героя рыцари повесили на дереве. Предатели выдали Глаппе. Он был повешен в Кеннгсберге; холм, на котором произошла казнь, получил с той поры название Глаппенберг. При штурме крепости выстрелом из баллисты был сражен Диване Медведь... Подавление восстания пруссов открыло рыцарям путь в восточнопруссские земли (Надровию, Скаловию, Ятвягию — Судовию). Спротивление здесь длилось до 1283 г., когда отряд последнего независимого ятвяжского князя Скурдо, покинув родину, ушел за Неман, в Литву⁶⁸. Пятьдесят лет отчаянно сопротивлялся тевтонам прусский народ.

Продолжавшаяся многие десятилетия борьба эстонцев, латышей и пруссов за независимость имела крупное значение для истории соседних стран — Литвы, Польши и Руси, задержав и ослабив наступление на них немецкого Ордена, благодаря чему эти страны получили возможность развернуть совместную борьбу против него в более благоприятных исторических условиях.

В течение XIII в. эстонский, латышский и прусский народы попали под кровавое иго немецких феодалов; на эстонской земле, кроме того, хозяйничали датские захватчики; часть карел и финны оказались под властью Швеции. Десятки немецких, датских, шведских замков были возведены на завоеванных землях. Немецкий орден, датский король (он правил через наместника в Ревеле, которому были подвластны эстонские земли Хэрьямаа и Вирумаа), рижский архиепископ, а также епископы дерптский (таргуский), эзельский (саремаа-яланемааский), курляндский (курземский), купцы Риги, Ревеля, Дерпта и других городов поделили между собой завоеванные земли. Эти «господа земли» (ландесгерры) правили, опираясь на своих вассалов и дружины. Территория, подвластная Ордену, была разделена на области, во главе которых стояли комтуры, осуществлявшие военную власть, и фогты, ведавшие гражданским управлением. Области, в свою очередь, распались на округа государственных имений (амты), а последние — на погосты (вакки), состоявшие из нескольких деревень.

Край, опустошенный войнами и массовыми истреблениями жителей, попал сразу под власть нескольких господ: немецкий Орден, вольный город Рига, папская курия,

⁶⁸ Подробнее см. В. Т. Пашуто. Борьба прусского народа за независимость. «История СССР», 1959, № 6, стр. 60—79.

Германия, Дания рассматривали его как источник своих доходов. Каждый из иноземных властителей (Орден, епископы, датский король) проводил здесь самостоятельную внешнюю политику, чеканил свою монету, имел особые формы государственного устройства и права. Но все они препятствовали экономическому сплочению прибалтийских земель, отстраняя эстонцев, латышей и пруссов от занятий ремеслом и торговлей, затрудняли этническую консолидацию народов Прибалтики и вытесняли местную культуру, насильственно внедряя иноземный язык и католическую веру.

Местное население, за исключением части онемечившейся знати, было обложено церковной десятиной в пользу папской курии и тяжелыми натуральными и денежными поборами. Оно должно было нести барщину на строительстве крепостей, мостов, дорог, а также неограниченную воинскую повинность. Одновременно широко поощрялась немецкая колонизация завоеванных земель, причем немецкие, а также датские колонисты ставились в привилегированное положение по сравнению с коренным населением, получали особые права и льготы. Право покоренных было подчинено власти завоевателей. Все это задерживало историческое развитие народов Прибалтики. Пруссы были в конце концов ассимилированы и исчезли как самостоятельная народность. Судьба эстонцев и латышей оказалась иной в немалой степени потому, что Орден должен был считаться с соседством Руси, куда порой спасались бегством задавленные нуждой люди.

Между иноземными господами происходили частые распри, военные столкновения из-за земель и прав, что еще больше обременяло завоеванных. Однако, ссорясь между собой, завоеватели объединялись, когда дело касалось подавления освободительной борьбы народов. Разбойничий захват немецкими феодалами земель Польского Поморья и Восточной Прибалтики, ничего не дав немецкому народу, привел к созданию здесь экономического оплота наиболее реакционной части немецкого господствующего сословия, породил очаг постоянных политических и национальных противоречий и войн, ослаблявших не только Польшу, Литву, Русь, но в конечном счете и Германию.

Хотя в результате монголо-татарского нашествия и наступления рыцарей-захватчиков Русь и потеряла свои позиции в Прибалтике и русский народ был вынужден обороняться в районах Карелии, Навы, Наровы и Пскова, эти новые рубежи он удерживал до тех пор, пока сложившееся под руководством Москвы Русское централизованное государство не поставило вопроса о восстановлении своих исторически сложившихся позиций в Прибалтике. Да и народы Прибалтики не примирились со своей участью. Они продолжали борьбу с Орденом, используя каждый удобный случай для выступления против иноземных властителей и их приспешников из местной знати. Восстания вспыхивали многократно в разных частях Прибалтики. Так, уже в 1295 г. восстали прусские крестьяне Самбии и Натангии (по словам тевтонского хрониста, проявился их «дьявольский дух»). Предводительствуемые своими вожаками Сабине, Станто и другими, они сумели даже занять крепость Бартенштейн и вызвали панику в Кенигсберге. Но примкнувшие было к восстанию представители прусской знати вскоре предали крестьян, и Орден жестоко подавил восстание. В 1299 г. произошло новое восстание жителей острова Сааремаа, также топленное в крови.

Продолжалась борьба и в Земгалии, о чем мы узнаем из донесения 1306 г. орденской администрации папе Клименту V: «Жители епископства Земгалии отпали [от христианства] по собственному побуждению и перебили всех братьев Ордена в стране и взяли замок Тервете. Правда, Орден с помощью вассалов архиепископа [рижского] и епископов и рижских бюргеров вытеснил язычников, но никто [из немцев] не хочет там поселиться». В 1338 г. произошло антифеодалное выступление карел, живших в Кореле и близ Орехова. Оно затронуло и те погосты, которые попали под власть Швеции; так, восставшие действовали, например, в Выборге, где своих врагов «многo посекоша». Наконец, эстонское восстание «Юрьевой ночи» 1343—1345 гг. потрясло до основания господство Дании и Ордена⁶⁹.

Победа русского народа на Куликовом поле (1380 г.) закрепила за Москвой значение основного центра воссоединения земель Древней Руси, положила начало освобождению от монголо-татарского ига русского народа и других народов нашей страны, дала народам Прибалтики, подвластным немецкому Ордену, пример освободи-

⁶⁹ См. «История Эстонской ССР». Т. I. Таллин, 1961, стр. 230—245.

тельной борьбы. Пусть первые восстания были потоплены в крови. Но так не могло продолжаться вечно. Прошло столетие, постепенно окрепли национальные государства на Руси, в Польше и Литве. Они потребовали восстановления исторической справедливости. вновь сплотились местные народы и опрокинули власть Ордена. Вооруженные силы Польши и Великого княжества Литовского совместно с русскими, украинскими, белорусскими полками и союзными чешскими дружинами разгромили войско рыцарей Тевтонского ордена.

Знаменитое сражение произошло под Грюнвальдом в 1410 году. Союзными войсками командовал польский король Ягайло. Правое крыло занимало литовско-русское войско великого князя Витовта; левое крыло составляли польские войска под предводительством Зындрама из Машковиц. В состав союзного войска входили также чешско-моравские отряды Яна Салава и Яна Сокола⁷⁰. Наконец, в войске Витовта имелась вассальная татарская конница.

Численность войск, находившихся в широкой долине под Грюнвальдом, точно установить не представляется возможным, так как главный источник информации — польский хронист Ян Длугош — указывает лишь число хоругвей, состав которых мог быть неодинаковым. Витовт имел 40 хоругвей (из них 4 собственно литовские, а 36 — украинские, белорусские и русские); Ягайло располагал 51 хоругвью, среди которых 7 были украинскими. Орден выставил 51 хоругвь. Считая, что силы союзников несколько превосходили войска Ордена, исследователи расходятся в определении численности войск. Новейшие историки допускают, что у союзников было около 40 тыс. чел., а у Ордена — несколько меньше⁷¹. Важно учесть, однако, что союзники имели преимущество в моральном факторе: народы Литвы, Польши, Руси, Белоруссии, Украины и Чехии сражались за свою национальную независимость против немецкой агрессии. Они давно ждали дня, когда можно будет рассчитаться с немецкими рыцарями за все их злодеяния. Наш польский коллега М. Бискуп в своем исследовании недавно показал примечательно широкое участие крестьян в войске союзников⁷².

В 9 часов утра 15 июля 1410 г. Ягайло двинул на левый фланг врага легкую литовско-руско-татарскую конницу, оставив другую часть войска под командованием Витовта в резерве. Вскоре в бой втянулась значительная часть немецких сил. Войска Витовта стало отступать, увлекая за собой противника в глубь литовской позиции⁷³. При этом большая ответственность легла на три смоленские хоругви, стоявшие на стыке польских и литовско-русских войск. Под командованием литовского князя Семена-Лингевина Ольгердовича они героически выдержали натиск устремившихся в наступление рыцарей и прикрыли фланг польского войска. Одна хоругвь погибла полностью, а две другие понесли тяжелые потери. Ян Длугош сообщает, что в этом сражении «русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами» и заслужили «бессмертную славу». «И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка сражались, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков»; они «стяжали себе в этот день славу отважных героев»⁷⁴. Союзное командование, видимо, не случайно избрало для этой почетной воинской роли смолян. Как видно из хроник, те издавна участвовали в совместных с литовцами походах на Орден, например, в битве на Стреве и других⁷⁵.

На втором этапе сражения польское войско вступило в тяжелую битву с правым флангом рыцарей, куда великий магистр направил еще 16 хоругвей. Был момент, когда пало большое королевское знамя. Наступавшие рыцари готовились торжествовать

⁷⁰ F. M. Bartoš. *Čechy v době Husové (1378—1415)*. Praha. 1947, str. 340.

⁷¹ S. Kuczyński. *Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411*. Warszawa. 1955; ср. M. Jučas. *Zalgiro misis*. Vilnius. 1959. pp. 28—31; В. Пашуто, М. Ючас. 550-летие Грюнвальдской битвы. «Военно-исторический журнал», 1960, № 7, стр. 83.

⁷² M. Biskup. *Z badań nad «Wielka wojna» z Zakonem Krzyżackim*. «Kwartalnik Historyczny». T. 66. 1959. Zesz. 3, str. 685—686.

⁷³ A. Prochaska. *Rok 1410. Przyczyny wojny*. «Roczniki Towarzystwa Naukowego». T. XVII. Toruń. 1910, str. 137—179; S. Kuczyński. *Op. cit.*, str. 295.

⁷⁴ Joannis Dligossii. *Opera omnia*. Ed. A. Przewdziecki. T. XIII. Gracoviae. 1877, pp. 54—55.

⁷⁵ *Scriptores Rerum Prussicarum*. T. II. Leipzig. 1863, pp. 75, 511, 518.

победу. Но поляки сражались стойко, а когда в битву были двинуты основные силы Витовта, то победа союзников ясно обозначилась. Рыцари были окружены и подверглись полному разгрому. Погибли все главари Ордена — великий магистр Ульрих фон Юнгинген, великий маршал Фридрих фон Валленроде, великий комтур Куно фон Лихтенштейн и десятки других знатных рыцарей. Союзники захватили 51 хоругвь. Города и крепости Ордена открывали свои ворота победителям. Встревоженные судьбой Ордена, папская курия и германский император оказывали ему дипломатическую помощь и готовились к военному вмешательству⁷⁶.

В 1411 г. был подписан первый Торуньский мир, по которому Орден возвращал Польше Добжинскую землю; Жемайтия переходила в пожизненное владение Витовта и Ягайло; судьбу некоторых польских территорий должен был решить третейский суд; Орден уплачивал 100 тыс. коп грошей и открывал Литве и Польше пути для свободной торговли⁷⁷. В дальнейшем, затратив немало военных усилий, Литва окончательно воссоединила Жемайтию и часть Ужнемуне (Занеманье) по миру в Мельне (1422 г.), а Польша воссоединила Поморье, включая Гданьск. Было покончено с самостоятельностью Ордена, который стал по второму Торуньскому договору 1466 г. польским вассалом.

Грюнвальдская победа была высоко оценена и на Руси: «бысть побише» «с Немци с Прусы в их земли в Пруской... и убиша местера и моршолда и кунтуры побиша и всю силу немецкую избиша, и города немецкыи поймаша»; в летописи отмечено, что победа далась нелегко, в битвах «много же христиан и Литвы и Ляхов от Немець избиено бысть»⁷⁸.

Грюнвальдская битва положила начало полному упадку Тевтонского ордена. Эта битва имела выдающееся международное значение как важный этап в борьбе народов Польши, Литвы, России, Украины, Белоруссии и Чехии с немецкой агрессией. Она показала, что единство стран-союзниц в борьбе против общего врага являлось главным условием победы. Начался закономерный упадок военно-клерикального государства, порожденного феодально-колониальной политикой папства и союзных ему держав. Что касается Ливонского ордена, то он продержался в Восточной Прибалтике до 1561 г., когда войска Ивана IV во время Ливонской войны окончательно сокрушили его.

Так завершился один из этапов борьбы народов Русского государства и соседних территорий за свою независимость. Сотни лет длилась эта борьба против монгольских, шведских, немецких и других захватчиков. Но народы нашли в себе силы отстоять право на самостоятельный путь развития и отбили натиск агрессоров, посягавших на их независимость.

⁷⁶ «Historia Polski». T. I. Warszawa. 1957, str. 576.

⁷⁷ B. Dundulis. Lietuvių kova dėl Žemaitijos ir Užnemunes XV amžiuje. Vilnius. 1960. pp. 66—68.

⁷⁸ НПЛ, стр. 401.